

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ОСАДЧУК

ЛЕТОПИСИ ДОРНА.
БЕЛЫЙ ВОИН

©Yudin-2011

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ОСАДЧУК

ЛЕТОПИСИ ДОРНА. БЕЛЫЙ ВОИН

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

— Мой король! Рагхи и горрды уже в нижних залах! — Воин, принесший весть, стоял перед своим повелителем, прижав правую руку к груди в приветственном жесте. Его левая рука висела безвольно, как плеть, а доспех, перепачканный кровью, был весь в разрывах и вмятинах. Несмотря на плачевный внешний вид, в глазах ратника, еще не остывшего от последней схватки, горел огонь. Король молча кивнул воину. Было не до церемоний. На глазах Родэрика Второго, потомка великого Рианна Мудрого, гибло все. Все, что создавалось несколькими поколениями великой династии Вилаваров. А за стенами Жемчужного дворца умирали подданные, вверившие жизни своему правителю...

Если бы король услышал подобную весть еще месяцев шесть назад, то он наверняка усомнился бы в душевном здорье посланника. Но как ни прискорбно было осознавать, слова гонца являлись чистейшей правдой. Меленвиль, сильное и, пожалуй, самое могущественное государство Дорна, доживало последние мгновения...

Древний ужас Безымянных земель, похороненный несколько веков назад, снова обрел жизнь. Сперва под его натиском пала Сумеречная крепость — нерушимая твердыня, столетиями защищавшая Меленвиль от кровожадных орд... Затем не стало Италена и Некаста — сильных и хорошо защищенных городов... И вот теперь полуживой воин приносит весть о том, что враг хозяйничает в нижних залах королевского дворца. Родэрик видел кровь на латах гонца, слышал шум сражения, но отказывался верить в происходящее. Этого просто не могло случиться! Колыбель династии Вилаваров, лучшее из творений энанов, вот-вот будет захвачена!

Не может быть!.. Но шум боя доказывал обратное... Все кончено.

Тяжелый взгляд монарха был полон боли и отчаяния. Чувство бессилия, словно кровожадный монстр, разъедало его душу. Скорбь по погибшим холодными пальцами сдавила сердце...

«Ну ничего! — успокаивал король сам себя, до боли сжимая кулаки. — Недолго осталось ждать смерти! Скоро я присоединюсь к моему народу! Скоро!»

Неожиданно тяжелые мысли прервал тонкий детский всхлип. Родэрик обернулся и встретился взглядом с Элеонор. Королева Меленвила стояла чуть поодаль от своего царственного супруга и качала на руках пятимесячного сына — наследника уже не существующей империи... «Как же она хороша!» — невольно воскрился король. Недавние роды не испортили красоты королевы. Напротив, она стала еще прекрасней. Тяжелые думы на мгновение ослабили железную хватку, сменяясь нежностью и решимостью...

Тем временем где-то там, на нижних этажах, затрубил рог...

Король быстро перевел взгляд на двери тронного зала. Сотворенные из альвийской красной древесины и обитые прочной голубой сталью, они скорее походили на большие ворота, чем на обычную дверь. На их створках был изображен герб Вилаваров, — дерево, объятые пламенем, — искусно выполненный из золота и драгоценных камней.

В ста пятидесяти шагах от этих дверей, плотно сомкнув щиты, выстроились три дюжины тяжеловооруженных воинов. На высоких ростовых щитах красовались оскаленные морды пещерных медведей гризли, выгравированные черным серебром. За спинами щитоносцев расположился последний десяток обоеруких мечников. У каждого из них медальон с воющим варгом, волком, вымершим много веков назад. Справа и слева, по флангам, крайвы — лучшие лучники королевства. Воины ждали своего последнего часа...

Переливчатый зов рога повторился. Только уже намного ближе...

От созерцания жалких остатков некогда великой армии короля отвлек уставший тихий голос придворного мага:

— Мой мальчик, судя по звукам рога, твоя личная сотня

вступила в схватку. Это нам даст еще немного времени. У меня почти все готово.

— Верю, Альдор, у тебя все получится, — ответил Родэрик своему другу и наставнику.

Королевский маг, сутулясь, стоял у вытесанного из серого камня пьедестала, на котором покоился небольшой синий полупрозрачный шар. Возложив на него обе руки, Альдор, прикрыв глаза, что-то тихо нашептывал. Постепенно шар начал менять цвет. Он становился все темнее и темнее... Голос Альдора дрожал от перенапряжения и усталости:

— Я, как и все мои предшественники, служившие вашим предкам, готовился к такого рода моменту. Веками накапливалась Сила для создания прохода... Осталось совсем немного...

Сильный удар сотряс входные двери.

Громкий звук, эхом ворвавшись в зал, ушел высоко вверх... Через некоторое время он повторился, а затем сплошным потоком посыпался град ударов разной силы...

Воины зашевелились — без суеты, без волнения. Им не в первый раз идти на смерть. Передний ряд бойцов оцетинился копьями, готовый принять первый удар на себя...

— Если в двери уже колотят, значит, нет больше марагарцев... — Воин со шрамом на лбу поднял два своих клинка вверх, отдавая последние почести павшим братьям. Его примеру последовали остальные.

Шар под руками Альдора окрасился в сиреневый цвет...

В зале потемнело...

Стены начали потрескивать, грозя лопнуть при первом же прикосновении...

Воздух сгустился, дышать стало труднее...

Напротив мага появилось голубое пятно. Сперва оно было не больше монеты, но затем, уже через несколько мгновений, выросло до размеров окна. Несколько ударов сердца — и пятно разрослось в дверной проем...

— Мой король, портал будет активен несколько минут, нужно торопиться! — воскликнул Альдор, морщась от перенапряжения.

Родэрик, подойдя к жене, нежно баюкающей малыша, наклонился и поцеловал младенца в лобик, что-то ласково про-

шептал. Он встретился взглядом с той, которая всегда была рядом с ним, обнял ее и погладил по волосам.

— Пора, — произнес он тихо.

— Пора, — ответила она.

Вместе они подошли к магу.

Король положил руку на его плечо и уверенно произнес:

— Я остаюсь, мой друг. Все, что я мог дать сыну, я уже дал. Теперь ты поведешь его по жизненному пути. Храни его и воспитывай, так же как и меня когда-то... Мы же обязаны остаться здесь. Это наш долг.

— Но... — Альдор был поражен. — Ведь это неправильно, мой мальчик, я уже стар...

Готовый вырваться из уст мага поток уговоров властно, но мягко оборвала королева Элеонор:

— Никто не сможет дать нашему сыну больше, чем ты. — В прекрасных темно-синих глазах застыли слезы, она протягивала свое сокровище пораженному магу.

— Но... — Старик начинал понимать, что король и королева давно все решили и что их уже никто не переубедит...

Маг, не сказав больше ни слова — времени осталось совсем мало, — бережно принял малыша, обернулся и сделал первый шаг к порталу. Альдор, неся свою драгоценную ношу, слышал, как король отдал приказ троице воинов сопровождать и защищать их.

Старик со слезами на глазах и болью в сердце пересек границу между мирами. Он уже не видел и не слышал, как входная дверь в тронный зал с ужасным скрежетом и треском проломилась, как в пролом ворвались первые скалящиеся твари, как в них полетели стрелы крайвов...

Он чувствовал только еле слышное биение крошечного сердца. Сердце того, кому суждено будет подняться из праха и пепла павший Меленвиль... Старик с младенцем на руках исчез в слабо мерцающем портале. Мгновением позже в нем растворились два варга и крайв...

Глава 1

ЖИЗНЬ В ИНТЕРНАТЕ

— Ну и кто ж тебя такую к нам направил-то? Что же это в вашем пединституте для тебя других «практик» не нашлось? — начала свой допрос Клавдия Семеновна, или, как ее еще все называли, тетя Клава, работавшая главной поварихой, в Доме малютки номер три. Словно огромная гора, она возвышалась сейчас над невысокой щупленькой студенткой педагогического института Леной Зориной, сидевшей за столом на кухне столовки и без аппетита ковырявшейся в холодных «макаронах по-флотски».

— Ну почему же? — возразила Лена, отделяя алюминиевой вилкой серые кусочки фарша от разварившихся макаронин. — Нашлось. Только я сама сюда попросилась.

— Сама? — удивилась тетя Клава, сев за стол и налив себе из чайника бледно-розового компота в граненый стакан.

— Ну да. А что? Чем плохо это место? Вы же тут работаете...

— Хех... Я! Да я здесь, потому что другой работы не было... А ты... Ой, дитяtko... Беги ты отсюда, пока сердечко не прикипело...

— Не прикипит, не волнуйтесь, а вот опыта поднаберусь. Как-никак я будущий психолог.

— Это да... Опыта тут хоть отбавляй... Вон их сколько, сиротинушек... И у каждого своя история.

Лена, поковырявшись еще немного в тарелке, отложила наконец вилку и спросила:

— Кстати, они ведь не все сироты? Ну в смысле у многих ведь родители еще живы?

Повариха вздохнула и ответила:

— Ох... Знаешь... Что они есть, эти родители, что их нет — все равно. Вон погляди на того мальчишку. Да вон того, в красной байковой рубашке. Это Сережа Филатов. Его у матери-алкоголички забрали. Мы его месяц потом откармливали — постоянно кушать хотел. А вон ту девочку в голубеньком платыце, Лидочку, родители сами отдали. Сказали, мол, седьмого ребенка не потянут... Вот так-то. А Гришеньку вообще в мусорном баке нашли...

Пораженная студентка молча смотрела на кушающих детишек. Они сидели в обеденном зале столовой на маленьких стульчиках за маленькими столами. Точно так же, как и в любом нормальном детском саду, только родители за ними никогда больше не придут... Раз седьмой для них лишний или в мусорный бак выбросили, значит, точно не придут...

— Хотя есть и такие, судьба родителей которых неизвестна. Им ставят в личные дела пометки «брошен», — продолжала тетя Клава. — Например, Саша Трофимов — вон тот мальчик, что сейчас делится с тем, что покрупнее его. Он появился у нас, когда ему было пять месяцев всего. И странное дело...

— Что? — спросила студентка заинтересованно, наблюдая за указанным малышом, щедро отсыпавшим половину своей порции в тарелку другого мальчишки.

— Обычно о детях, поступающих сюда, все известно, а у Трофимова только имя да фамилия, ну и дата его поступления...

— И все?

— И все, — ответила повариха. — Даже Зоя Марковна, наша заведующая, затрудняется что-то сказать. Говорит, буд-то не помнит ничего. Странно...

— Действительно, странно... — согласилась Лена и снова взглянула на симпатичного мальчугана.

Саша Трофимов рос очень спокойным и не капризным мальчиком. Наверное, поэтому все нянечки и воспитательницы относились к нему по-особенному — никогда не повышали голос и не наказывали. Постепенно, с каждым прожитым днем, он превращался в любимца всего персонала.

Ему чаще других детей перепадало от щедрот работников Дома малютки — то конфет подкинут, то кусочек сладкой халвы, а бывало, если уж очень повезет, то и импортную жвачку. Даже Зоя Марковна, не имеющая собственных детей, иногда брала с собой в город маленького Сашеньку, нарядив его в красивую одежду. Так они и прогуливались вдвоем по парку, будто бы настоящая семья. В такие дни заведующая покупала четырехлетнему мальчугану вкусное мороженое, сахарную вату и еще много всяких сладостей, и даже разрешала называть ее мамой.

Они привлекали к себе внимание. Люди иногда оборачивались, чтобы посмотреть на красивую женщину с красивым ребенком. Счастье переполняло детскую душу Сашеньки. Как же ему хотелось видеть в Зое Марковне маму! Маму, которую он никогда не знал и которую так хотелось иметь. Как потом он сам вспоминал, пребывание в Доме малютки было самым счастливым временем в его жизни...

Годы летели, а с ними вырослел и Саша...

Примерной датой появления Трофимова на свет принято было считать пятое марта. И сегодня праздновался его шестой день рождения. В столовой повариха Семеновна пекла свой фирменный пирог с яблоками, который так любила вся малышня. Воспитательница тетя Люба разучивала с детьми поздравления. Все как обычно. Но это уже была последняя страница его жизни здесь, с этими добрыми людьми... Его ждал «красный корпус» — так между собой все называли здание школы-интерната номер восемь, находившееся по соседству. Каждый ребенок, которому исполнялось шесть лет, переходил в подготовительный класс этого интерната со всеми вещами. Там начиналась новая жизнь...

— Сань, ты математику сделал? — спросил Вовчик Толстый, лежа на кровати и смотря в потолок. Он удобно устроился на железном, скрипящем сотнями пружин «ложе» и приготовился заниматься любимым делом — лентяйничать. В учебных заведениях, подобных этому, упитанные дети — фантастическое исключение. Каждодневное недоедание и, как закономерный итог, худоба — вот норма жизни всех ин-

тернатовцев. Володя же Гориков, а попросту Вовчик Толстый, опровергая все нормы и закономерности, являлся тем самым исключением из правил. Частые посетители школы-интерната, будь то иностранные спонсоры, привезшие очередную гуманитарную помощь, или же госинспекторы, «неожиданно» нагрянувшие с проверкой, заканчивающейся обыкновенно богато накрытым столом в школьной столовой, постоянно принимали Вовчика за сына Лаврентьевны — главной поварихи, имевшей довольно внушительные формы. Как ни странно, это очень импонировало Толстому, и даже сама повариха на очередной вопрос «А это не ваш сын?» — частенько отшучивалась: мол, внебрачный.

«Родство» с поварихой постепенно переросло в очень выгодные для Вовчика отношения. То ли это был результат постоянного давления на подсознание Лаврентьевны, то ли Толстый себя очень грамотно поставил — не суть важно. Важным являлось то, что Вовчик, как «внебрачный сын» главной поварихи, получил постоянный доступ в святая святых школы-интерната — кухню. Благодаря этому чистый вес и внутренний статус Толстого среди учащихся невероятно вырос. Еще бы, теперь он мог достать все! Ну или почти все... Бывшие недруги мальчишки, постоянно пинаемого за чрезмерный вес и неуклюжесть, резко превратились в закадычных друзей и приятелей. Но Гориков на все имел свою точку зрения и дураком конечно же не был. Его единственным другом и, наверное, самым родным человеком был Саша Трофимов. Вместе они росли в Доме малютки, а затем вместе перешли в «красный корпус». Трофимов, единственный в этом злом и жестоком мире, всегда был рядом с Вовчиком и никогда не отступал, защищая слабого друга. Толстый являлся патологическим лентяем, за что ему, естественно, не раз влетало от преподавателей, а в особенности от Сергея Петровича, директора интерната. Жизненное правило Вовчика гласило: «Мало делай, но много получай». Правило это почти всегда действовало, но, увы, не так, как хотел сам Вовчик: делал-то он мало, а получал много, но зачастую — по голове.

— Сань, ты чего молчишь? Сделал или нет? — Толстый был настойчив. Правило правилом, но голова все же одна.

— Вот сейчас делаю, а ты мне мешаешь. — Саша привычно отмахнулся, внимательно читая учебник.

— А когда сделаешь, дашь списать? А?

— М-да, Вовыч, ты, как всегда, в своем репертуаре. Попробуй сам, это не так уж и сложно.

Саша, в отличие от Толстого, учился хорошо и даже с интересом. Особенно легко ему давался английский, так считал сам Константин Николаевич, их учитель. О! Как бы он удивился, если бы узнал правду о настоящих способностях своего ученика!

Тут нужно кое-что прояснить... Все дело в том, что с самого детства Трофимов понимал любой язык и воспринимал его как родной. Да-да, именно как родной. Он, конечно, никому об этом не говорил, не любил лишнего внимания, но, если представлялся случай, всегда старался проверить свой дар.

Впервые он заметил за собой эту особенность еще в первом классе, когда с одноклассниками поехал на экскурсию в ботанический сад. Построившись по двое и взявшись за руки, дети подходили к разным цветам, кустам и деревьям, о которых увлеченно рассказывала какая-то тетя в зеленом комбинезоне.

Итак, весь класс, шепчась, смеясь и разговаривая, остановился около клумбы с тюльпанами. Они были разные: чисто-белые, желтые, красные, желтые с красными пятнами, сиреневые в черную точку... В глазах пестрило от разнообразия. Но Сашино внимание привлекли не цветы, а двое рабочих, объяснявшихся между собой жестами. Он уже знал из рассказов учительницы, что так разговаривают глухонемые люди, но увидел это впервые. И самым странным являлось то, что он их понимал, причем так, будто всегда говорил на этом языке.

Сначала мальчик подумал, что это плод его воображения, но фразы, которыми обменивались большие дяди, были ясны, хотя многих слов он вообще не понимал, так как не знал их значения.

«Как же можно фантазировать словами, которых не знаешь?» — удивлялся маленький Саша.

В тот день он постеснялся рассказать о случившемся учительнице, а потом это вылетело из головы, пока не пришло

время изучать английский язык... А дело было так. После получения книг в библиотеке и предварительного просмотра, пятиклассник Саша как-то незаметно для себя углубился в текст одной из книжек... В ней рассказывалось, как английские туристы, путешествовавшие по Парагваю, обратились с вопросом к местному знахарю, по слухам практически безошибочно предсказывающему погоду на ближайшие дни. Действительно, старый пройдоха за небольшую плату сообщил, что сегодня и завтра будет пасмурно, но дождя не предвидится. Так и случилось. Два последующих дня небо было затянуто тучами, но дождь так и не пошел. Любопытные туристы снова попросили старика предсказать погоду на ближайшую неделю, но уважаемый знахарь ответил, что не может этого сделать по простой причине — синоптики по радио сообщили прогноз погоды только на ближайшие три дня. Рассказ был забавный, но Сашу смутили два момента. Первый — это слишком простой стиль повествования. Создавалось впечатление, будто текст написан для умственно отсталых. А второй момент — предлагалось его перевести, но не указывалось, на какой язык.

«Учитель потом объяснит», — подумал он.

Саша, закрыв книгу, хотел было отложить ее, но внимание привлекли заглавные буквы. Поразительно! Обложка гласила: «Английский язык. 5 класс». Трофимов дрожащими руками снова открыл учебник, перелистал несколько страниц... Да, действительно, буквы английского алфавита отличались от кириллицы, но для Саши были понятны.

Первый испуг прошел. Он на всякий случай протер глаза. А вдруг показалось? Но понимание никуда не исчезло. Значит, то, что произошло четыре года назад, — не случайность? Вспомнились разные мелкие случаи из жизни — например, всегда понятные голоса актеров в иностранных боевиках или услышанные на рынке разговоры гастарбайтеров. Особенно запомнился случай, когда в интернат приехала одна уже немолодая пара. Очень крупный мужчина и высокая худощавая женщина. Выглядели они достаточно нелепо, будто с другой планеты. Оба абсолютно рыжие, с множеством веснушек на лицах и руках. Они постоянно вертели головами, а мужчина периодически останавливался и щелкал

огромным фотоаппаратом. Женщина часто тыкала пальцем то в одного, то в другого малыша и что-то объясняла своему спутнику.

Интернат в тот день просто кипел. Все готовились к приезду большой делегации из-за границы. Обычно в такие дни детей неплохо кормили, да и одевали в хорошую одежду, которую им выдавали специально для таких вот случаев. Но была еще одна причина суматохи: вши.

Два дня назад все вторые классы были обриты наголо и продезинфицированы «фузой». Ух и вониючая же это гадость! Так вот, все вторые классы, срочно построенные с вещами, ожидали прихода двух автобусов — их отправляли на неделю в местный лагерь «Орленок». По мнению руководства интерната, картина бритых девочек и мальчиков не самая подходящая для иностранцев.

Пара «рыжих», проходя мимо строя стриженных наголо детей, не могла оторвать взгляд от этого зрелища. Малышня же, науськанная «старшаками», наперебой пыталась объяснить холеным дяде и тете, что они хотят чего-нибудь сладенького или просто поесть, а то и вовсе не против усыновления...

— Дядь! А дядь! А вы не мой папа? — говорила маленькая девочка.

— Тетя! Заберите меня! Я очень хороший! — кричал с задних рядов худой мальчонка.

— Тетя! А у вас есть шоколадка?

Пройдя этот галдящий строй, мужчина и женщина на минуту приостановились возле места, где стоял Саша и еще несколько мальчишек.

— Мартин! Мартин! Ты видишь это? Что это, Мартин? — Женщина лопотала не прекращая и постоянно дергала своего спутника за рукав дорогой рубашки.

— Нелике, успокойся! Я все вижу. Петр говорил, что у них нашли каких-то насекомых, поэтому обрили. Только я не понимаю, зачем это нужно?

Саша стоял рядом и понимал абсолютно все. Он заинтересованно смотрел на эту пару и гадал, кто же они и на каком языке изъясняются.

— Как противоестественно! — возмущалась женщина,

похожая на гусыню. — Посмотри на ту девочку! Боже, Мартин, я не буду спать целую неделю!

Женщина полными боли глазами разглядывала малышкой, и вдруг ее взгляд остановился на Саше. Она заметила, что этот мальчишка очень внимательно их слушает.

— Мартин! Взгляни на того мальчика. Мне кажется, он нас понимает! Подзови-ка его!

Мужчина приветливо посмотрел Саше в глаза и стал махать ему, приговаривая:

— Ну иди, не бойся. Иди сюда. Моя сердобольная Нелика думает, что ты нас понимаешь...

Саша нехотя подошел к этим странным людям. Он уже знал, что они иностранцы, скорее всего приехавшие усыновить или удочерить кого-то. На все вопросы мужчины и женщины он отрицательно качал головой, старательно изображая непонимание. И когда уже отходил от разочарованной пары, услышал, как женщина сказала:

— Показалось...

Так Саша чуть было не стал голландцем.

Постепенно он свыкся со своими сверхвозможностями. Но иногда ему стоило немало труда не поправлять учителя на уроках английского языка.

Уже к тринадцати годам он, как заправский шпион, полностью контролировал себя...

— Так дашь списать или нет? — Вовчик по-прежнему не отставал, лежа на кровати и ковыряясь в носу.

— Ладно, дам, но только скатай так, чтобы не было, как тогда, — ответил Саша, не отрываясь от тетради.

В прошлый раз им обоим вlepили по «паре»: Сане за то, что дал списать, а Вовчику — за то, что скатал.

— Обижает, товарищ отличник, — обрадованно ответил Толстый, принимаясь за правую ноздрю. — Кстати, а что сегодня по телику?

— Наверное, как обычно — сериалы и реклама.

Трофимов больше любил проводить свободное время в обществе книг. Его любимым предметом была история. В школьной библиотеке он перечитал все, что касалось античных цивилизаций. Особенно интересовали древние технологии: знаменитые римские кальсады, земледелие егип-

тян, история булата. И хотелось узнавать, узнавать и узнавать...

В одном из советских журналов семидесятых годов он прочитал об археологических раскопках, проводимых в Египте. Там были найдены древние письма, которые еще предстояло расшифровывать. У ученых на эту кропотливую работу порой уходили целые десятилетия. Саша уже в мыслях представлял себя археологом, ведь с его умением он мог бы легко читать древние манускрипты и письма. Его мечтой являлось поступление на исторический факультет, ну или на факультет иностранных языков — так, по крайней мере, советовал Константин Николаевич... От математики Сашу отвлекли голоса в коридоре. Открылась дверь, и в комнату вошли трое ребят: Гришка Мальков, Петька Чалов и Серега Баров.

— Толстый, ты идешь? — спросил Гришка. Все его называли Мальком из-за фамилии и низкого роста. — Сань, Паша хочет с тобой поговорить, он ждет тебя в комнате.

— Ему надо, пусть сам и приходит, я в бегунки не нанимался. — Саша продолжал решать математику, не поднимая головы.

— Как знаешь, Санек, мы так ему и передадим, — сказал Петька, прозванный Рыжим за цвет своих волос и за веснушки по всему лицу. Баров же стоял молча, смотря в окно напротив двери. Из всех он был самым серьезным парнем, единственный, кто находил общий язык с Сашей. Но сейчас не тот случай — их троих послал Паша Раков.

— Смотри сам, — сказал он и вышел.

За ним посеменял Вовчик.

— Зря ты так, мог бы и сходить, — пробурчал он, уходя.

Саня промолчал, продолжая учить математику, как будто ничего не произошло...

Паша Раков был старшим по интернату и, по сути, являлся неплохим парнем. Он следил, чтобы не обижали малышню, и, когда кто-то из младших оставался без обуви или теплой одежды, всегда шел к директору, и директор выдавал ему новую.

Раков был лидером интернатовцев, и начальство это устраивало. Так даже проще: не нужно возиться с двоечниками, шкодниками и хулиганами. Сергей Петрович просто вызывал Пашу, и на следующий день проблема решалась. Естественно, Раков обладал определенными привилегиями: он имел свободный вход и выход из интерната, на него не распространялись многие правила. Конечно же так называемый «король интерната» ничего не смог бы сделать сам. «Опорой монаршей власти» были одноклассники и ребята помладше, выбранные Раковым по критерию, известному только ему одному. Сегодня как раз такой день — «день набора новобранцев», как его называл про себя Саша. В глубине души он понимал, что эта система очень даже эффективна, но сам факт повиновения чьим-либо даже полезным приказам порождал бесконтрольную волну неподчинения. Их отношения нельзя было назвать конфликтными, просто Трофимов был одиночкой, ну а Раков до сегодняшнего дня на него никогда не давил.

Первое знакомство с Пашей состоялось, когда Сане было десять лет. Они тогда с Вовчиком лазили в интернатовский сад. Кроме четырех яблонь в саду росли три грушевых дерева, шесть ореховых, пять абрикосовых и десять черешневых. На грядках всегда сажалась морковка, клубника, редиска, в небольших теплицах росли помидоры, огурцы... Были даже свои небольшие заросли малины. Сад занимал довольно значительную территорию бывшего княжеского имения, которую после запроса директора город закрепил за школой-интернатом. В распоряжении горсовета стояла фантастическая фраза: «Для нужд детей».

Все это подсобное хозяйство охранял Иваныч, дядя жены директора, зачисленный на полставки по просьбе родственников. В прошлом — неплохой охотник и слесарь, а в настоящем — спившийся и никому не нужный человек. Приходя на работу, уже «приняв на грудь», он доставал свои законные пол-литра, добавлял их к принятой в пути дозе и заваливался спать в своей сторожке. Этим, естественно, пользовалась ребятня, ведомая постоянным голодом, так как от щедрот этого сада им конечно же ничего не доставалось — все уходило в директорские закрома. Той порции, что готовили в

столовке, молодым и активным организмам хватало ненадолго. Чтобы иметь на столе витамины или консервы на зиму, директор был вынужден поставить сторожа.

Однажды, после очередного дежурства, проспавшийся Иваныч получил серьезный нагоняй от директора, пришедшего проверить, как там груши. Деревья были в порядке: высокие, красивые, их единственным недостатком являлось отсутствие самих плодов, которые, между прочим, так прекрасно консервировала супруга Сергея Петровича. После бурной дискуссии с использованием ненормативной лексики как со стороны одного оппонента, так и со стороны другого Иваныч под психологическим воздействием, а может, просто с опохмела, достав свою двустволку, выдал фразу: «Кого увижу в саду — убью» — и пальнул в воздух. С тех пор дети в саду старались не показываться, и даже сам директор без надобности туда не заглядывал. А Саша, никогда ранее не проявлявший особого интереса к походам за яблоками, после этого случая стал просто считать своим долгом хотя бы раз в неделю, а то и чаще, наведаться в этот фруктовый рай. Что-то необъяснимое тянуло его туда. Не сами яблоки и абрикосы, которые он потом раздавал малышне, а сам процесс добычи и его опасность. Для удобства общения во время вылазок Трофимов создал простой, легко запоминающийся язык жестов, который усвоил даже такой балбес, как Вовчик.

«Операция» проходила довольно обыденно: Толстый занимал удобную позицию для просмотра территории, а Саня орудовал в саду. Если вдруг возникала опасность, наблюдатель подавал сигнал, и вор исчезал.

Вот за этим занятием и застал их Паша Раков, которому не далее как вчера директор поручил узнать, кто повадился в сад, и по возможности отбить охоту у воришек, так как осенний урожай с каждым днем все уменьшался и уменьшался.

После очередной успешной вылазки Саню и Вовчика взяли за шиворот и поставили пред очи Ракова. Вовчик как-то сразу сник, а вот Саня успел наставить несколько синяков «конвою». С юными разорителями директорских садов была проведена воспитательная беседа. Итог — запрет на вход в сад. Вовчик воспринял все очень серьезно, так как был порядком напуган, а Саша просто затаился.

Впоследствии Раков частенько замечал у малышни абрикосы и черешни, но, как говорится, не пойман — не вор. Да и ловить он уже никого не собирался, ему начал нравиться этот пацан, было в нем что-то, за что уважают людей...

— Ну и че не пришел? — Раков встретил Саню утром возле умывальника, когда они были одни.

— Тебе надо — ты и приходи, — ответил тот, вытираясь полотенцем.

— Гордый... Между прочим, то, что я хотел тебе сказать, больше нужно тебе, чем мне. — Паша выдавливал из тюбика зубную пасту (по интернатовским меркам настоящий деликатес). — В Клетку поедешь с нами сегодня?

Клеткой называлась дискотека в центре города. Туда приезжали со всех районов, и не всегда было понятно — танцевать едут или драться. Раков в Клетку ездил вместе с ребятами из Подольского района, на территории которого, собственно, и находился сам интернат. С собой он брал несколько крепких ребят из своего окружения и частенько участвовал в потасовках, которые, как правило, случались после окончания дискотеки.

Клетка, образно выражаясь, «переходила» от одной группировки к другой — все зависело от того, кто побеждал в этих уличных боях.

— Подольские и Вокзальные хотят отбить Клетку у Центра. Мы, формально, Подольские и обязаны явиться, и нас должно быть как можно больше. — Раков был серьезен.

— Слушай, я всегда хотел тебя спросить: оно тебе надо? Подольские, Центр, Клетка? Какое тебе дело до этих тупоголовых, пусть бьют друг другу морды, если им так нравится. Ты с пацанами здесь при чем? — Саша смотрел ему в глаза, ожидая ответа.

— Ты что, думаешь, мне все это нравится? — Раков улыбался, но в улыбке этой не было ни капли веселья. — Таскаться в эту Клетку, смотреть на этих уродов, драться непонятно за что? Хочешь знать, ради чего все это? Хорошо, я объясню тебе, уважаемый чистюля, но прежде задам пару вопросов. Ты никогда не обращал внимания, что интернатов-

цев никто не трогает возле ларька на автобусной остановке? Что они всегда могут спокойно ходить по дороге в интернат, да и в самом районе наших никто не трогает? Тебе не приходило в голову, почему это так? Все просто: мы тоже Подольские, но нам нужно это постоянно доказывать. Ты спросишь, зачем это нужно лично мне? Все просто — я не смогу стоять в стороне, когда у наших «мелких» будут выворачивать карманы возле ларька. Можно, конечно, воевать с Подольскими. Но зачем? Можно ведь поступить по-другому, мудрее. Так что тебе решать: оставаться в стороне или помогать. Ладно, бывай.

Паша, перебросив полотенце через плечо, пошел в сторону корпуса, оставив Саню наедине со своими мыслями.

Неизвестно, чем бы все кончилось для Трофимова, если бы не событие, изменившее навсегда его дальнейшую жизнь...

Глава 2 ДЕДУШКА

В тот же день, только тремя часами позже, Саша сидел на уроке алгебры, когда в дверь постучались.

— Да, войдите! — громко сказала Ирина Григорьевна, преподававшая в интернате кроме алгебры и геометрии черчение.

В приоткрытую дверь просунулась рыжая голова Петьки Чалова.

— Здравсте, Ирина Григорьевна, там Трофимова к директору вызывают.

— Трофимов, ты можешь выйти, — сказала Ирина Григорьевна, поправив очки.

Выйдя из класса и прикрыв за собой дверь, Саня вместе с Чаловым пошли на второй этаж, где находился кабинет директора.

— Что там, не знаешь? Может, случилось чего? — спросил он у Петьки.

— Не-а, но вроде не злой. Ну давай, удачи тебе. Я на химию пошел. — Чалов уже поднимался на третий этаж. — А,

да... У него еще там дед какой-то сидит, такой не из бедных: прикид у него такой, гайки... Там увидишь.

Саша попрощался с Петькой и пошел по центральному коридору второго этажа. Остановившись напротив двери с надписью «Директор», он негромко постучал и, услышав: «Войдите», потянул к себе ручку.

— Здравствуйте, — сказал он, войдя в просторный кабинет.

Стены кабинета были завешаны разными грамотами и дипломами. Справа на полках шкафов стояли всевозможные кубки и награды, скопившиеся за многолетнюю спортивную и общественную жизнь школы-интерната номер восемь. Прямо напротив окна находился большой стол директора, на котором стояли два дисковых телефона, лежали разные папки и бумаги, а за столом, на большом черном кресле, сидел сам хозяин кабинета. К основному столу был приставлен еще один стол, поменьше, формируя букву «т», за которым стояли еще шесть обычных стульев.

На одном из этих стульев сидел старик, хотя, если присмотреться повнимательней, слово «дед», как назвал его Петька, не совсем подходило к нему, а скорее, наоборот, противоречило. Конечно, седые волосы и морщины на лице и руках выдавали в нем человека преклонного возраста, но вот его глаза — в них не было той вековой усталости, которая присутствует во взгляде старых людей. Наоборот, они светились энергией и силой. Насчет его костюма Чалов не соврал, скорее, дорогой, чем дешевый, но в то же самое время — достаточно простой и элегантный. На среднем пальце руки красовался перстень с небольшим красным камнем. Левая рука лежала на ручке трости, сделанной из какого-то темного дерева, саму же трость покрывала замысловатая резьба — очень красивая вещь.

— Доброе утро, Саша, — сказал директор, вставая с кресла. — Вот, хочу с радостью вас познакомиться. Это Виктор Анатольевич — твой родной дедушка.

Старик тоже поднялся со своего места, слегка развел руки и произнес:

— Ну здравствуй, Саша.

Саня, пораженный услышанным, еще не до конца осоз-

нав происшедшего, не мог пошевелиться. Надежды, что за ним кто-нибудь когда-нибудь придет, он похоронил уже давно. Это раньше, еще когда был маленьким, он мог часами просиживать возле окна, ожидая и надеясь, что вот сейчас из-за поворота выйдет милая мама и заберет его отсюда. Сколько слез пролито за эти годы, сколько надежд разрушено... Много раз, представляя себе маму, он не верил в ее смерть или в то, что она какая-то алкоголичка, как у большинства находящихся здесь детей. В его маленьком детском сердце теплилась надежда и уверенность — мать и отец не такие. Он хотел верить в эту сказку — и верил. Год за годом перед глазами проплывали события чужих жизней, таких же несчастных и таких же одиноких. Каждую неделю появлялись новые дети разных возрастов, кто-то оставался, а кто-то исчезал. Многие смирились со своей судьбой, ничего хорошего не ожидая. День за днем и его надежда ослабевала, а последние два года он уже и не задумывался об этом. И тут вот, так просто, неожиданно появляется родной ему человек: пусть не мама, пусть не отец, но все равно — родной...

— Хм, я выйду на несколько минут, подготовлю все необходимые документы, — сказал директор, направляясь к выходу из кабинета.

— Благодарю вас, Сергей Петрович, — произнес, кивнув, Виктор Анатольевич.

Он подошел к Саше, положил руку ему на плечо и тихо сказал:

— Как долго я ждал этого момента, мой мальчик, как долго...

— Я тоже, — еле слышно произнес Саша и, повинувшись переполнявшим его чувствам, обнял старика. Так они и стояли, обнявшись, не сказав больше ни слова, пока в дверь деликатно не постучались.

— Ну вот, все готово: личное дело, выписка из школы с отметками, медицинская карточка... Если еще что-нибудь понадобится, обращайтесь.

Неизвестно, что повлияло на Сергея Петровича, но он был сама любезность: таким, как сегодня, Саня его видел в первый раз.

— Благодарю вас, Сергей Петрович, за помощь, — сказал

так неожиданно появившийся дедушка. — Думаю, все формальности соблюдены, и я могу забрать моего внука с собой?

— Да, да, конечно, Виктор Анатольевич, как я рад за вас обоих. — Физиономия директора просто светилась от счастья.

— Саша, пока ты будешь прощаться со своими друзьями и собирать вещи, я завершу с Сергеем Петровичем одно незаконченное дело. Встретимся на выходе у главных ворот, там стоит моя машина. Сережа, мой водитель, поможет тебе загрузить вещи, — сказал Виктор Анатольевич.

Саня кивнул и вышел из кабинета. Сердце колотилось от переизбытка чувств. Бегом добрался в спальное крыло, в комнате как раз были все ребята. Оказывается, уроки уже закончились, и все занимались своими обычными делами. Непонятно откуда, но все уже знали, что к нему приехал дедушка и что Трофимов уезжает с ним навсегда. Хотя что тут удивительного — такие новости по интернату разлетались со скоростью ветра. В этом заключалась самая сокровенная мечта каждого. Все взгляды были обращены на него: кто-то жал ему руку, кто-то хлопал по плечу, все поздравляли. Вовчик вообще слезу пустил, когда Саня его обнял.

В конечном итоге Трофимов раздал все свои вещи, справедливо полагая, что скоро у него появятся другие, а здесь они будут нужнее. С собой он уносил только сменное белье, носки, зубную щетку и две стопки книг, которые он умудрился скопить за эти годы. Провожать его высыпала вся ребятня.

У ворот была припаркована темно-синяя иномарка. Дедушка, оказывается, уже стоял возле машины, рядом с ним находился молодой человек, по всей видимости Сережа. Был он выше среднего роста, лет двадцати восьми, коротко подстрижен и темноволос, с веселыми цепкими глазами. Фигурой он напоминал Саше гимнастов, которых он часто видел по телевизору.

Когда провожаемый и провожающие поравнялись с машиной, она уже была заведена. Сергей помог загрузить скромный багаж мальчика и открыл задние двери для дедушки.

— Мальчик мой, нам пора, — сказал старик из приоткрытого окна. — Прощайся.

Ребята обнимались, жали руки, хлопали его по плечам, а он в свою очередь обещал им написать, как только устроится на новом месте...

Сидя на заднем сиденье рядом с так неожиданно появившимся дедушкой, Саша все еще никак не мог поверить, что для него начинается абсолютно новая жизнь...

Глава 3 НОВЫЙ ДОМ

Убаюканный спокойным ходом автомобиля, мальчик проспал всю дорогу на плече у дедушки. Когда он проснулся, машина плавно въезжала в открытые ворота большого двухэтажного загородного особняка, со всех сторон обнесенного высокой каменной оградой. Дальше, примерно в двухстах метрах от ограды, тянулся лес, а немного левее лесного массива протекала небольшая речушка.

Весь этот прекрасный пейзаж был очень хорошо виден, так как сам дом стоял на возвышенности. Машина остановилась возле довольно большой двухстворчатой двери, сделанной в средневековом стиле, да и весь архитектурный ансамбль дома и его пристроек располагал к мыслям о том, что здесь неплохо бы провести какой-нибудь рыцарский турнир. Светло-коричневая черепица на крыше, толстые дверные и оконные рамы из твердого темного дерева прекрасно гармонировали со стенами дома, выложенными из камня разного размера.

У дверей их встречали еще двое мужчин, чем-то неуловимо похожих на Сергея: такие же крепкие поджарые фигуры, ни грамма лишнего веса, коротко стриженные, в одинаковых темных костюмах. Когда все вышли из машины, старик представил их Саше. Первого звали Владимир, а второго — Андрей. Владимир был немного повыше Андрея и, скорее всего, постарше. Если Андрею и Сергею можно было дать лет двадцать пять — двадцать восемь, то Володя выглядел на все тридцать пять, а то и сорок. Судя по тому, как его слушались Сергей и Андрей, он был главным в этой троице.

После знакомства, которое прошло достаточно тепло,

мальчика проводили в его комнату. Андрей, который помогал нести его скромный скарб, попутно рассказал о расположении комнат, ванн и туалетов.

Комната, которую отвели парню, находилась на втором этаже. Она была довольно просторной и светлой. Рядом с окном стояла большая кровать, справа от нее располагался письменный стол с компьютером на нем, три стула, пустая книжная полка, платяной шкаф слева от окна — вот и вся обстановка. Также в самой комнате находилась еще одна дверь, которая вела в отдельную ванную комнату. В отличие от архитектуры самого дома новая Сашина комната была обставлена в современном стиле, и, честно говоря, она очень ему понравилась. Если учесть, что это было первое его личное пространство после четырнадцати лет жизни в постоянно многолюдных помещениях, то он был просто счастлив. Когда в дверь постучались, Саша как раз заканчивал расставлять книги на полках. Оказалось, что, когда кто-то предупредительно стучится в дверь твоей комнаты, это очень приятно, но уж очень необычно и непривычно...

— Войдите, — сказал он, ставя учебник истории Древнего мира на полку.

В комнату вошел Андрей.

— Ну что, как устроился? — спросил он, улыбаясь.

— Непривычно как-то. Всегда куча народа, а тут тихо... Но мне нравится.

— Ничего, скоро привыкнешь. Кстати, если ты проголодался, то скоро будем ужинать. Столовая находится как раз под твоей комнатой. — Он посмотрел на часы: — Примерно через десять минут можешь спускаться.

— Это кстати, я сегодня еще ничего не ел.

— О, тогда пойду потороплю всех, мой... — Андрей как будто хотел сказать что-то еще, но вовремя остановился и вышел из комнаты.

Уложив свои последние вещи, Трофимов достал из шкафа, в котором висела разная одежда примерно его размера, спортивный темно-синий костюм, обул темные, под цвет костюма, кроссовки, стоявшие в нижнем отсеке шкафа, и вышел из комнаты.

Помня краткий инструктаж Андрея по расположению

комнат в доме, Саша пошел по коридору к лестнице. Пол в доме был устелен мягким толстым ковролином — так, кажется, назывался этот материал. Идти по нему было приятно и легко, каждый шаг непривычно пружинил. К слову, единственный ковер, который он видел до этого, лежал в кабинете директора.

Спустившись по лестнице на первый этаж, он услышал отдаленные голоса из-за двери, которая вела в помещение, названное Андреем столовой. Подойдя к приоткрытой двери, он на мгновение остановился и прислушался к разговору.

— Наконец-то он с нами, — говорил так неожиданно свалившийся ему на голову дедушка. — Как он подрос за эти годы! Если бы его видели сейчас отец и мать... — Голос старика был печальным.

Саня затаил дыхание.

— Жаль, что этому не суждено случиться.

— Его отец был великим воином! — Это уже был голос Володи, и на его слова все отозвались одобрительно.

— Да, это так, но мы должны быть реалистами. В том страшном бою вряд ли кто-то выжил... — Снова голос старика.

Казалось, Сашино сердце сейчас выскочит из груди, он боялся пошевелиться. Они все знали его отца и маму и, скорее всего, очень уважали их. И еще одно... Язык! Язык, на котором они разговаривали, был иным! Да, да, именно! Иным по конструкции фраз, словарю, оборотам. Благодаря своему дару парень чувствовал инородность языка во всем, но в то же самое время казалось, что слышит его не в первый раз.

Внезапно разговор прекратился, и он услышал голос дедушки:

— Не стой возле двери, заходи, ты, наверное, уже проголодался.

Опустив глаза, стараясь ни на кого не смотреть, Саня стеснительно вошел в столовую.

— Разве тебя не учили, что подслушивать нехорошо? — спросил новоявленный дедушка с весельем в голосе.

— Так ведь безотцовщина, — нашелся внук с ответом, чем развеселил всех сидящих за столом мужчин.

— Ну садись, садись, безотцовщина, а то вон как глазички горят! Почуял, видать, запахи с кухни.

«Фу, пронесло», — подумал Трофимов, садясь рядом с Андреем, который незаметно, как бы шутя, подтолкнул его локтем в бок.

Тем временем из кухни выплыла — да, да, именно выплыла — абсолютно круглая женщина. Среднего роста, лет пятидесяти, на лице румянец — наверное, от волнения, а может, оттого, что на кухне (как обычно бывает на всех «живых» кухнях) очень жарко. В руках она несла поднос, на котором стояли всевозможные мясные блюда, от запахов которых у Сани заурчало в животе. Пепельные волосы женщины были аккуратно уложены под чистой белой косынкой, а опрятный внешний вид разительно отличался от того, что привык видеть Саша в грязной интернатовской столовке. Битки свиные, котлеты, запеченные в духовке ребра и еще несколько блюд, которых он никогда не видел, заманчиво расположились на столе.

— Ого, да вы нас просто балуете сегодня, Наталья Ивановна, — сказал весело Андрей.

— Больно надо мне вас баловать, — ответила повариха, ловко маневрируя между стульями, выкладывая угощения на стол. — Да и не побалуешь вас особо — едите, как птахи малые. А вот Сашеньку я побалую, — сказала она, нежно поглаживая того по голове, — ты ешь, ешь, сынок, не обращай внимания на этих сухарей, а еще захочешь, так у меня добавки целая кухня, скоро и десерт будет — мороженое. Любишь мороженое?

— Ага, — ответил Саня с набитым ртом, — я вообще все люблю.

Его слова вызвали взрыв хохота за столом.

Неожиданно для себя и для самой Натальи Ивановны, кружившей вокруг него, словно курица-наседка над цыпленком, он съел не так уж и много. Наверное, сказывалось постоянное недоедание, к которому привык за эти годы. Саша даже отодвинул от себя недоеденное мороженое: в первый раз он испытывал чувство абсолютной сытости.

Ужин постепенно подошел к концу. Вставая из-за стола, все благодарили Наталью Ивановну, на что она еще больше покраснелась, убирая посуду со стола. А Сашу обняла, по-

целовала и сказала, что он в любой момент может заходить на кухню, если проголодается.

Сытый мальчишка, на которого навалилась сонливость, вышел из столовой и прямо по коридору прошел в большой уютный зал. Там возле камина в удобном кресле уже сидел дедушка Виктор и покуривал трубку.

— Ну как ты? — спросил он севшего рядом в другое кресло Сашу.

— Хорошо...

— Я знаю, что у тебя есть очень много вопросов ко мне, но вижу, ты устал с дороги, да еще столько впечатлений за один день. Думаю, все вопросы и ответы могут подождать до завтра. Тем более что у нас с тобой будет теперь достаточно времени на разговоры.

Если Саша и хотел что-либо спросить, то раздумал. Он просто поднялся, пожелал добрых снов сидевшему в кресле деду и побрел в свою комнату. Добравшись до своей новой кровати, он кое-как разделся, зарылся под одеяло и уснул очень счастливым. Если бы Саня знал, что завтра он не сможет поговорить с бабушкой, да и в ближайший месяц тоже, то, может быть, настоял бы на разговоре в тот вечер...

Глава 4 ОТЕЦ И МАТЬ

«Мой мальчик, прости, что снова оставляю тебя. Вынужден уехать по очень важному делу. Я думаю, когда приеду, мы основательно поговорим обо всем. С тобой останутся Андрей и Сережа, а Володя будет сопровождать меня в поездке. До встречи.»

Р.С. Кстати, зная о твоих увлечениях, у меня есть для тебя сюрприз. Андрей тебе его покажет».

Записка, которую Саша перечитывал уже второй раз, лежала на письменном столе, когда он проснулся.

«Ну что ж, дела так дела, тем более откуда-то же берутся у него деньги на все это, — говорил сам себе парень, одеваясь. — Пойдем посмотрим, что там за сюрприз такой».

На столе в столовой его ждал завтрак: тосты с маслом и

джемом да небольшой кувшин со свежавыжатым апельсиновым соком. Учтывая, что и сок и тосты он видел и ел впервые в своей жизни, то этот завтрак можно было смело называть «королевским».

Позавтракав в одиночестве и получив при этом немалое гастрономическое удовольствие, Саша вышел из дома на задний двор.

Теплое апрельское солнце стояло высоко. «Наверное, уже около двенадцати», — подумал Саня, оглядываясь по сторонам в поисках кого-нибудь.

— Доброе утро! — Андрей появился неожиданно, мальчик даже невольно вздрогнул. — Уже поел?

— Привет! Да, поел, спасибо, а куда дедушка уехал, ты не знаешь? — Слово «дедушка» он произносил, как бы пробуя его на вкус.

— В столицу, у него там дела. Кстати, он велел показать тебе кое-что. Пойдем, это на втором этаже.

Войдя в дом, они поднялись на второй этаж. Дедушкиным сюрпризом оказалась прекрасная библиотека. У Саши даже перехватило дух — такого количества книг он еще не видел. Само помещение повторяло планировку каминного зала на первом этаже и, если судить по расположению, находилось как раз над ним. Это помещение, скорее всего, проектировалось изначально под библиотеку, потому что до самого потолка высились многочисленные стеллажи и полки, на которых аккуратно стояли бесконечные ряды книг. Около окна находился большой письменный стол с удобным креслом, обитым черной кожей; рядом со столом располагалась небольшая софа, по всей видимости предназначенная для чтения полулежа, когда устанешь сидеть.

Саша подошел к одному из стеллажей и дрожащими руками достал первую попавшуюся на глаза книгу. Это был атлас Британского географического общества в оригинале, рядом стоял словарь по минералогии издательства Берлинского университета, и тоже в оригинале. Пройдясь дальше вдоль полок, Саша увидел сочинения императора Августа на латыни, Ветхий и Новый Заветы на древнегреческом... Голова шла кругом.

— Ну как, нравится? — спросил, улыбаясь, Андрей.

Но Саша его больше не слышал. Полностью поглощенный созерцанием какого-то фолианта, явно не этого столетия, он так и не заметил, как остался один в библиотеке...

Весь последний месяц юноша проводил в библиотеке. Увлеченно, просто запоем он читал книги, отвлекаясь только на сон и еду, которую после нескольких опозданий к обеда Наталья Ивановна стала приносить ему прямо в библиотеку. Все книги были открыты для Саши благодаря его тайному дару, правда, существовало очень много непонятого по смыслу: сказывалось недостаточное школьное образование. Но он не унывал, ведь это только начало — еще придет время для понимания. Да и времени на уныние не хватало, хотелось читать, читать, читать...

На календаре был уже май. Стоял прекрасный солнечный день. Теплые лучи весеннего солнца проникали во все темные уголки дома, чувствовался запах приближающегося лета.

Саша, как обычно (все уже к этому привыкли), сидел за столом в библиотеке, увлеченно перелистывая какую-то книгу. Он не услышал, как дверь приоткрылась.

— Не думал, что мой сюрприз придется тебе так по душе... — Дедушка стоял на пороге двери и улыбался.

— Дедушка! — Саша даже и не думал, что так соскучится по этому человеку, которого видел всего несколько часов в своей жизни.

В столовой снова все были в сборе — шумно разговаривали, смеялись. Наталья Ивановна, как всегда, приготовила целый пир. Саша за прошедший месяц очень сблизился со всеми домочадцами и чувствовал себя здесь как дома. Ужин уже подходил к концу, когда дедушка неожиданно сказал:

— У меня для тебя кое-что есть, мой мальчик. Давай поднимемся в мой кабинет и там спокойно поговорим.

В кабинет дедушки Саша попал в первый раз. Его обстановка была простой, можно сказать, спартанской. Письменный стол с настольной лампой, стул, два небольших кресла

и журнальный столик, невысокий шкаф с какими-то бумагами — вот, пожалуй, и все. Был этот кабинет каким-то необжитым, неудобным, и у Саши складывалось такое впечатление, что хозяин кабинета бывает здесь довольно редко.

— Да, да, — сказал дедушка, будто прочитав его мысли, — я редко здесь бываю. Устраивайся поудобней, — указал он на кресла.

Когда они сели, продолжил:

— Ну что ж, пришло время. То, что сейчас произойдет, не должно пугать тебя, мой мальчик. — Голос деда был спокоен. — Просто я не вижу другого способа, чтобы ты поверил.

— Поверил во что?

— Во все то, что буду тебе рассказывать. Но это немного позднее, а сейчас я тебя спрошу: ты мне доверяешь?

Парень кивнул. Видимо удовлетворившись ответом, дедушка продолжил:

— Тогда закрой глаза и дай мне руку.

Саша повиновался.

— Хорошо. А теперь постарайся ни о чем не думать, просто расслабься.

Он сидел с закрытыми глазами и старался делать все, как ему сказали. От дедушки исходили волны спокойствия, его рука была теплой. Сначала ничего не происходило... Но потом постепенно приходило понимание, что он может намного больше, чем раньше. Его вторая, бестелесная половина отделилась от тела, пытаясь делать самостоятельные, неловкие шаги. Выйдя примерно в центр комнаты, он обернулся — его тело продолжало сидеть на диване рядом с дедушкой. Все вокруг преобразилось. У предметов появились особые цвета и оттенки. Правда, особого разнообразия не существовало — темно-серая мебель, ярко-синяя электропроводка. Фигура дедушки просто пульсировала насыщенным голубым... Страх, как ни странно, отсутствовал, казалось, что так и должно все быть. Ощущение легкости пьянило, захотелось увидеть других обитателей дома, просто прогуляться.

Голос дедушки донесся как бы издалека:

— Не увлекайся, у тебя другая цель, ты должен вернуться обратно и сосредоточиться.

Саша нехотя повиновался, его вторая половина соедини-

лась с телом. Попытка сосредоточиться сразу же увенчалась успехом. Еще бы! Ему казалось, что он может все!

Что-то происходило вокруг... Воздух постепенно становился тяжелым и вязким. Он обволакивал сознание, проникал в самые потаенные его уголки. Как-то сразу стало неуютно, страшно, сознание заметалось. Паническое состояние развеял дедушкин голос, который, казалось, уже находился внутри головы:

— Не бойся, все нормально, уже почти все закончилось...

И тут Саня как будто вынырнул из воды, но дедушка уже стоял немного поодаль и был чем-то занят. Мальчик очутился в огромном, потрясающей красоты зале с высокими потолками и белоснежными колоннами. Дедушка был одет в какой-то странный темный балахон из плотной ткани, его лицо несколько не изменилось, только заметно напряглось. Глаза закрыты, губы шевелятся, но голоса не слышно, руки лежат на каком-то стеклянном камне небольших размеров.

Все это Саша разглядел краем глаза, так как сам находился у кого-то на руках. Он заметил, что был завернут в какую-то приятную и мягкую ткань и что над ним склонилось лицо очень красивой женщины с темно-голубыми глазами, полными слез. Она нежно баюкала его и что-то успокаивающе напевала. Сердце беспокойно забилося, он почувствовал — это была его мама! Мама, которую он так долго ждал, и вот она наконец пришла за ним. Он порывался сказать ей это, но у него ничего не выходило. Мама плакала и целовала его, ее слезы текли на его щеки и лоб, он даже чувствовал слабое биение ее сердца. Потом над ним наклонилось еще одно лицо. Саше показалось, что он уже видел его, и не один раз. Ах да, конечно! Он много раз видел эти черты в отражении зеркала. Это было его лицо, но только повзрослевшее, возмужавшее. Прямой нос, темно-синие глаза, прямые скулы, благородный лоб, темные волосы, местами уже взятые сединой, — все говорило о том, что это сильный, гордый, волевой человек. Отец! Это был его отец! В глазах мужчины читалась печаль и нежность. Саше хотелось кричать, но все, на что он был способен, так это на тихие, еле слышные стоны. Отец поцеловал его в лоб и тихо, на языке, который он уже слышал в столовой, сказал:

— Вернись, сын мой, ты нужен своему народу, обязательно вернись!

Сейчас юноша всем сердцем желал исполнить просьбу своего отца, но почему-то его вдруг передали в другие руки. Краем глаза он заметил ровный строй каких-то воинов в доспехах с мечами и копьями. От строя отделились трое воинов и направились к тому месту, где находился Саша. В их лицах ему показалось что-то знакомое, но что?.. Фигуры отца и матери постепенно удалялись, глаза мамы, полные слез, прощались с ним. Хотелось закричать, вырваться из чьих-то рук, снова оказаться рядом с ними, но все усилия были тщетны...

Что-то снова произошло с воздухом, он как будто превратился в прозрачное желе, дышать становилось тяжелее и тяжелее. Ничего не стало видно и слышно, наступила темнота, бездонная и бесконечная...

Глава 5

ПРИНЦ МЕЛЕНВИЛЯ

Веселый солнечный луч прокрался через открытое окно внутрь комнаты, разбавив своим присутствием бледно-серые краски, оставшиеся после ночи. Он пророчил своим чудесным танцем теплую весеннюю погоду.

Саня с трудом открыл глаза. Он лежал на кровати в своей комнате. За окном уже давно наступил новый день: весело заливались птицы, где-то далеко мычала корова и лаяли собаки. Саша попытался встать, но тяжесть в голове снова опрокинула на подушку.

— Лежи, не вставай, ты еще слаб...

Рядом с ним на стуле сидел дедушка.

— Что это было? — спросил Саша, и собственный голос показался ему каким-то сухим и безжизненным.

— Прости, что мне пришлось прибегнуть к этому способу, но по-другому ты мне вряд ли бы поверил. Вчерашнее видение было твоим прошлым.

— Там, вчера... это мои родители были, правда? — Ему трудно было говорить.

— Да, мой мальчик, это были они. Король Родэрик Вто-

рой и его королева Элеонора — твои отец и мать и наши повелители.

Саша вместо закономерного удивления принял эту новость спокойно. Можно даже сказать, что он в глубине души знал об этом. Почему? Ответа не было. Может, загадочный вчерашний сеанс разбудил в нем какую-то часть сознания, а может, имелись другие причины — он этого не знал. Это знание уже являлось частью его самого.

— Они живы? — спросил он у дедушки с надеждой в голосе.

— Мы не знаем. Когда мы покидали тот мир, твои отец и мать были живы.

Дедушка опустил глаза: было заметно, что ему очень тяжело дались эти слова.

— Я хочу, чтобы ты сегодня же мне все рассказал, — сказал Саша решительно.

— Конечно, только сначала ты передохнешь. На вот, выпей! — Виктор Анатольевич протянул ему чашку с какой-то жидкостью, цветом похожей на чай. — Не очень вкусно, но быстро восстановит твои силы, и головная боль пройдет...

Отвар действительно был горький, но почти сразу пришло чувство легкости, головная боль отступила, и даже та слабость, с которой он проснулся, постепенно сменялась приливом бодрости.

— Ого, вот так чай! — восхитился Саша. — Я думаю, только очень сильным средством можно достигнуть такого результата.

— Я смотрю, ты времени не терял, кое-что ты уже усвоил, просиживая дни напролет в библиотеке. — Дедушка довольно усмехнулся.

— Если это твой рецепт, то любая фармацевтическая компания заплатила бы тебе за него неплохие деньги.

— Это не совсем мой рецепт, но твой совет я приму к сведению, — произнес старик, улыбаясь.

— Ты не мой дедушка? — вдруг спросил Саша.

Старик отрицательно покачал головой:

— Увы... Но я воспитывал твоего отца как собственного сына. Мое имя Альдор Кронт. Вот уже двести лет я являюсь придворным магом великой династии Вилаваров, которая не-

сколько тысячелетий правит Меленвилем — государством людей. Нынешним королем Меленвиля является твой отец, а ты, Ксандр, — единственный наследный принц этого государства.

У Саши был достаточно глупый вид. Он машинально огляделся — а вдруг розыгрыш? Его действия не остались без внимания Альдора, и он сказал:

— Теперь ты понимаешь, насколько важно было разбудить твою память?

— Так вот что это было...

— Все, что человек когда-то видел в своей жизни, откладывается у него в памяти. Но всего, естественно, вспомнить невозможно, потому что основная, так называемая пользовательская, память у человека ничтожно мала. Для этого был разработан определенный способ извлечения из глубины подсознания тех фрагментов памяти, которые человек сам по себе вспомнить уже не может. В твоём случае это было легко, ведь прошло всего каких-то четырнадцать лет.

— Мои отец и мать... Почему они не с нами? — спросил Саша, затаив дыхание.

— Они остались там, в том мире, который ты видел вчера, — сказал Альдор, опустив глаза.

Казалось невероятным, но Саша уже знал его название, что-то внутри подсказывало ему.

— Дорн? Правильно?

Альдор поднял удивленные глаза:

— Вижу, кое-что все-таки всплыло из твоей памяти. Это значительно упростит мне задачу.

Помолчав, он продолжил:

— Мир Дорна параллелен этому миру. Скажу даже больше: наши миры достаточно взаимосвязаны. Правда, мне кажется, что эта связь прервалась уже очень давно. В отличие от Земли Дорн мало изучен. Если здесь прогресс идет очень быстро, то Дорн по общему уровню развития находится в глухом Средневековье... А некоторые земли и того ниже. Хотя кто знает, что лучше?

География как наука — в полнейшем упадке. Наши знания в этой области основываются на маршрутах, проложенных купеческими караванами. И все, что нам известно о на-

шей земле, так это несколько сухих страниц землеописания, составленных несколько сотен лет назад одним магом-путешественником Арвейном. Этот труд так и называется — «Арвейнские заметки».

Заслуга Арвейна также заключается в том, что он, побывав во многих местах нашего мира, составил более или менее сносную историческую справку, основанную на легендах, рассказанных ему эльфами и энанями — древнейшими расами Дорна.

Так вот, согласно этому научному труду давным-давно, когда мир был еще совсем юн, земли были населены существами, знание о которых не дошло до наших дней. Лишь некоторые древние полуразрушенные храмы в Безымянных землях, на которые наталкивались немногочисленные патрульные отряды из Сумеречной крепости, хранили в себе непонятные следы былой цивилизации.

Никто не знает, когда и куда ушли Древние. Также неизвестны причины их исчезновения. Известно только то, что, когда в этот мир пришли эльфы, Дорн был девственен, или, по крайней мере, тот материк, на котором и расположен Меленвиль.

Эльфы, некогда могущественная и миролюбивая раса, постепенно заселили большую часть нашего материка, вслед за ними пришли энаны — сильный низкорослый народ. Эльфы и энаны жили в мире. Если первые были искусны в разного рода природной магии, то вторые являлись основателями ремесел. Эпоха эльфов и энанов названа Золотой эпохой, так как то, чего достигли эти две расы в те времена, больше никогда не повторилось. Маги и мастера из поколения в поколение постоянно совершенствовались.

Венцом этого совершенства, как они тогда считали, стало совместное творение двух великих народов — Эзэльморд — Золотые Врата. Эзэльморд, являющийся величайшим творением мастерства и магии, был мощнейшим порталом — проходом в другие, параллельные миры. Для чего нужны эти Врата? Предполагали ли тогда создатели Эзэльморда, каковы будут последствия их активации? Уже никто не ответит на эти вопросы. Хотя кое-какие догадки у меня есть. Когда десять Великих эльфийских магов начали обряд, что-то про-

изошло. Из десяти Великих магов, начавших обряд, выжили только двое, но Эзэльморд был открыт. Сначала ничего не происходило, но потом из портала вышли ужасные, кровожадные твари, и было их много, очень много... Бесчисленные полчища хлынули нескончаемым потоком...

Маг замолчал, глядя задумчиво в открытое окно. Саша сидел, боясь пошевелиться, что-то в этой легенде завораживало, интриговало... Альдор очнулся от задумчивости и продолжил уже ровным, спокойным голосом:

— Эзэльморд создавался в пустынном месте, далеко от всех поселений с расчетом на то, чтобы построить вокруг него большой город, в котором бы жили обе расы. Поэтому в столицах еще не знали о катастрофе. И когда в ближайшем городе энанов Трумсдалме появилась жалкая кучка израненных и изнеможенных эльфов и энанов, никто сначала не узнал в них двоих Великих эльфийских магов и младшего, единственного выжившего сына подгорного короля, Тобольда.

Так началась Черная эпоха мира Дорна.

Именно с Черной эпохой связано появление людей в этом мире. Откуда они пришли? История умалчивает. Одни утверждают, что люди пришли через Эзэльморд, другие — что приплыли из-за Холодного моря. Кто прав — неизвестно.

Тем временем твари расползались по землям Дорна, они шли постоянным потоком в поисках свежей пищи и крови. Города эльфов и энанов гибли один за другим. Кровожадные орды вырезали под корень деревни энанов и лесные поселения эльфов.

За сто с лишним лет кровопролитных войн от бывшего величия двух рас не осталось и следа. Но, как ни странно, потоки тварей постепенно удалось остановить.

Произошло это памятное событие во времена правления эльфийского князя Альва и унаследовавшего власть после смерти своего отца короля энанов Тобольда. Объединенная сорокатысячная армия Светлых рас дала решающий бой Темным ордам. Местом этого великого сражения был выбран Марагарский перевал, последний рубеж Светлых союзных рас. Это первое сражение, в котором участвовали и люди, — их было всего три тысячи, но они пришли на помощь объединенным армиям, тем самым вписав себя в анналы исто-

рии. Вел их твой далекий предок Рианн, будущий основатель великой династии Вилаваров, первый Одаренный.

В том ужасном сражении погибли многие, но выжившие выстояли, и им удалось отбросить Темных за большую реку. Впоследствии эта река была названа Черным потоком из-за цвета крови погибших в ней тварей. В этой битве погибло почти все войско людей. Король Рианн выжил, хотя был сильно ранен, потому что, как всегда, находился в гуще схватки. Его израненное тело нашли под многочисленными трупами врагов и его же воинов. Если бы не эльфийские целители, он бы умер от ран.

Из сорока тысяч союзного войска уцелело почти пятнадцать тысяч. Впоследствии от ран умерло еще около тысячи, даже эльфы ничего не смогли сделать. Но все-таки это была победа! Первая после многих лет ужаса и поражений.

После памятной битвы прошло почти сорок лет. Сорок лет мира. За эти годы на Марагарском перевале общими усилиями трех народов была возведена Великая Сумеречная крепость, неприступная твердыня-защитница единственного прохода через Ралдийский хребет. Объединенный гарнизон эльфов, энанов и людей в тысячу воинов пока успешно удерживал перевал. Но все понимали, что это временно и что новые набеги не за горами.

В ту пору, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию в столице трех рас Меленвиле, созвали совет, на котором присутствовали все вельможи эльфов, энанов и людей, раса которых значительно разрослась за эти сорок лет. Уже сейчас король Рианн мог выставить пятнадцать тысяч хорошо обученных воинов. Совет возглавляли правители Светлых рас: король энанов Тобольд, эльфийский князь Альв и король людей Рианн, а также два Великих мага эльфов, открывших когда-то проклятый Эзэльморд.

После долгих споров и пререканий совет постановил выступить объединенной армией в пятьдесят тысяч воинов, чтобы попытаться уничтожить или хотя бы закрыть Золотые Врата, принесшие так много несчастий.

Поход возглавили короли Тобольд и Рианн. С войском пошли также десять магов, на двоих из которых возлагались особые надежды.

О том, что произошло там, за Черным потоком, в Безымянных землях, история умалчивает. Известно только, что из пятидесяти тысяч отборных воинов вернулись двести поседевших стариков. Король Рианн, снова выживший, скупо поведал, что Эзэльморд закрыт и что миру больше ничего не угрожает, что подтвердил и единственный выживший маг. В походе погиб король энанов Тобольд. Его тело несли на носилках ближайšie воины, а скорее, то, что от него осталось. Останки короля энанов были погребены с почестями в недрах Стальных гор.

Выживший король Рианн с остатками армии вернулся в свою вотчину город Свиэльм, тогдашнюю столицу людей.

Неизвестно откуда — может, вследствие того злосчастного похода, — у Рианна открылся Дар. Проявлялся сей Дар в чрезвычайно мудром правлении твоего предка. Странность существовала во всем: в манере правления — королем использовались необычные доселе приемы управления государством, в манере вести переговоры с другими расами — правитель людей показал себя очень талантливым политиком, и еще можно привести много разных примеров, характеризующих его ум и мудрость. Во времена его правления королевство людей необычайно окрепло: были построены школы для детей, где преподавали специально приглашенные наставники из энанов и эльфов. До него этого никто не практиковал. Также в каждом городе и поселении возводились лечебницы и храмы, строились дома и дороги.

Король Рианн сделал очень много для своего народа. Он ушел из жизни, прожив почти сто сорок лет и оставив после себя своему наследнику Рианну Второму процветающее государство.

Что было в крови королевей? Неизвестно. Но Рианн Второй с рождения тоже получил Дар, который проявился у него чуть позднее, когда он первый раз взял в руки лук. Он вошел в историю династии как Рианн Второй Зоркий. Позднее к нему придет Дар его отца. Начиная с Рианна Мудрого кровь королевей давала своим обладателям Дар с рождения. С годами приходил и отцовский Дар. Как правило, это происходило по-разному — в очередной день рождения или в момент угрозы. Так, например, твоему предку королю Митэру, не

очень симпатичному, скажу я тебе откровенно, Дар красоты пришел в тот момент, когда он упал с лошади на охоте. И это уже был третий его Дар по счету.

Альдор улыбнулся и продолжил:

— «Рекорд» в династии поставил, если говорить языком Земли, твой прадед король Родэрик Первый Великолепный. Он имел четыре Дара, и два из них он скрывал почти до самой смерти. Это были поистине прекрасные Дары: один из них позволял твоему прадеду распознавать ложь в разговорах, а другой наделил прекрасным слухом. Он мог, если хотел, находясь в своей опочивальне, слышать, о чем переговариваются стражники ночной варты на крепостных стенах. Вот так вот.

Альдор откинулся на спинку стула и, потеряв подбородок, задумчиво произнес:

— Вот только никак не могу почувствовать, какой же Дар достался тебе, мой мальчик? Может быть, он еще проявится потом?

— Нет, не проявится. — Саня лукаво улыбался.

Альдор удивленно поглядел на юношу и воскликнул:

— Ах ты, маленький хитрец! Он у тебя уже проявился, и по твоей довольной mine могу заключить, что ты им уже давно пользуешься. Не правда ли?

— Да, вы абсолютно правы, Альдор.

— Ну и в чем же он заключается?

— А разве вы еще не догадались?

Маг на мгновение задумался. И тут его осенило. Он даже хлопнул себя по лбу:

— Ну конечно же, ах я старый растяпа! Ведь я уже битых два часа говорю с тобой на меленвильском!

Саня, давясь смехом, откинулся на подушку, через мгновение к его смеху присоединился и Альдор.

Отсмеявшись, вытирая от слез глаза, старик спросил:

— Как же ты умудрялся скрывать его?

— Я весь в своего прадеда.

Они снова рассмеялись.

— Очень полезный Дар. Туда, куда нам предстоит уйти, он будет очень кстати.

— Не понял, а куда это мы должны идти? — удивился Саша.